

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 6 / 2025, Iss. 6 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
УДК 82.9

Эмблема крепостничества и реквием по человеческой природе: интерпретация художественного мира в тургеневской прозе "Муму"

¹ У Сыяо,
¹ Хэйлунцзянский университет, Китай

Аннотация: в настоящей статье анализируется повесть И.С. Тургенева «Муму» как художественное произведение, в котором символика немоты и образ собаки Муму выполняют не только сюжетную, но и глубоко метафорическую функцию. Исследование сосредоточено на том, как Тургенев конструирует эстетику молчания и сдержанного протеста в условиях крепостного строя, создавая своего рода реквием по утраченной человеческой способности чувствовать, говорить и сопротивляться. Через интерпретацию символического пространства повести автор выявляет особенности «мягкой трагедии» в тургеневской поэтике и её гуманистическое звучание.

Ключевые слова: Тургенев, Муму, молчание, символ, трагедия

Для цитирования: У Сыяо Эмблема крепостничества и реквием по человеческой природе: интерпретация художественного мира в тургеневской прозе "Муму" // Modern Humanities Success. 2025. № 6. С. 18 – 23.

Поступила в редакцию: 13 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 18 июня 2025 г.

The emblem of serfdom and a requiem for human nature: interpreting the artistic world in Turgenev's prose "Mumu"

¹ Wu Siyao,
¹ Heilongjiang University, China

Abstract: this article analyzes Ivan Turgenev's novella *Mumu* as a literary work in which the symbolism of muteness and the image of the dog *Mumu* serve not only a narrative role but also a deeply metaphorical function. The study focuses on how Turgenev constructs an aesthetic of silence and restrained protest under the conditions of serfdom, thereby creating a kind of requiem for the lost human capacity to feel, speak, and resist. Through interpreting the novella's symbolic space, the author reveals the features of Turgenev's "soft tragedy" and its humanistic resonance.

Keywords: Turgenev, *Mumu*, silence, symbol, tragedy

For citation: Wu Siyao The emblem of serfdom and a requiem for human nature: interpreting the artistic world in Turgenev's prose "Mumu". *Modern Humanities Success*. 2025. 6. P. 18 – 23.

The article was submitted: February 13, 2025; Approved after reviewing: April 16, 2025; Accepted for publication: June 18, 2025.

Введение

В истории русской литературы XIX века имя Ивана Сергеевича Тургенева занимает особое место как у художника, чутко улавливавшего

тектонические сдвиги социальной и моральной структуры своего времени [1]. Повесть «Муму», написанная в 1852 году, представляет собой не просто бытовой очерк из жизни крепостного, но

глубоко символическое произведение, в котором личная трагедия немого дворника Герасима становится своеобразным микрокосмом всей системы крепостного права в России. Именно в этом тексте Тургенев достигает редкого сплава психологической достоверности и метафизической глубины, что позволяет говорить о «Муму» как о своеобразном реквиеме по утраченному человеческому достоинству.

Цель настоящего исследования – проанализировать, каким образом художественная структура повести «Муму» функционирует как средство двойного высказывания: с одной стороны, как критика института крепостничества, а с другой – как эстетически организованное размышление о пределе человеческой природы в условиях угнетения [5]. Особое внимание будет уделено роли собаки Муму как центрального художественного символа, воплощающего не только привязанность, но и несвободу, а также молчаливое страдание. Это молчание, разделяемое как героем, так и его четвероногим спутником, становится ключом к пониманию специфики тургеневской трагедии.

Настоящая статья предлагает интерпретацию повести сквозь призму символической поэтики и эстетики молчания, подчеркивая, как Тургенев использует фигуру животного не только в качестве эмоционального катализатора, но как многослойный знак социокультурной патологии. Через собаку Муму проявляется механизм дегуманизации, превращающий крепостного в безмолвный объект воли господина. Анализ данного символа позволяет по-новому осмыслить как художественную, так и идеологическую нагрузку повести, демонстрируя, что в тишине и простоте кроется глубокий гуманистический протест.

Материалы и методы исследований

Основным материалом для исследования послужила повесть И.С. Тургенева «Муму», а также критико-литературные статьи и научные работы, посвященные её интерпретации, символике и социальной проблематике. Дополнительно были проанализированы труды по истории крепостного права и литературной поэтике XIX века.

В исследовании применялись методы текстуального и символического анализа, а также сравнительно-сопоставительный подход. Особое внимание уделялось изучению художественных приёмов, связанных с темой молчания и внутреннего протеста в прозе Тургенева.

Результаты и обсуждения

I. Символика собаки Муму: художественный код и идеологическая нагрузка

С первых страниц повести Тургенев создаёт образ Герасима как человека, оторванного от человеческого общения не только социально, но и физиологически – он глухонем. На этом фоне появление собаки Муму приобретает почти сакральный смысл: в ней заключено всё, что осталось от возможности эмоциональной связи, сопричастности и теплоты. Муму становится не просто питомцем, а единственным существом, с которым Герасим способен установить подлинно интимную, пусть и безмолвную, связь. Этим Тургенев акцентирует крайнюю степень отчуждённости крепостного человека в условиях социального рабства.

Особое значение имеет параллель между физической немотой Герасима и «молчаливостью» Муму. Ни один из них не может выразить свои чувства в привычной словесной форме – их коммуникация строится на жестах, взглядах и ритуалах повседневности. Эта немота – не просто физиологический факт, а художественный приём, позволяющий Тургеневу создать мир, в котором молчание звучит громче слов. Таким образом, Муму становится зеркалом самого Герасима, его двойником, через которого раскрывается суть его внутреннего мира.

В образе Муму можно увидеть и символ покорности, и символ искреннего, бессловесного чувства. Собака предана своему хозяину безусловно, слепо, как крепостной своему помещику. Эта преданность, однако, не идёт от страха или принуждения, а от чувства, что делает её ещё более трагичной в контексте последующей гибели. Убийство Муму становится не только кульминацией повествовательного действия, но и символическим актом – это жертвоприношение, в котором уничтожается не просто животное, а последняя искра человеческого в герое.

Данный акт убийства, навязанного внешними обстоятельствами, имеет двойственную нагрузку. С одной стороны, Герасим действует как полностью подчинённый системе человек – он не сопротивляется приказу барыни. С другой – он совершает это убийство сам, что придаёт сцене трагическую глубину: уничтожая Муму, он уничтожает часть самого себя. Тургенев в этой сцене демонстрирует внутренний конфликт между принуждением и человечностью, между системой и личной этикой, делая собаку выразителем духовной драмы своего героя.

Кроме символики личностной утраты, Муму воплощает и более широкий социальный посыл.

Её «немота» – это метафора народа, лишённого права голоса, чьи чувства и страдания остаются невидимыми и неслышанными для господствующего класса. Таким образом, образ Муму становится художественным знаком молчаливого протеста, эстетически сдержанного, но насыщенного критическим содержанием. Он указывает на невозможность «говорить» в системе, где любое слово против воли господина превращается в акт мятежа.

Таким образом, собака в повести «Муму» не является второстепенным персонажем или простым элементом фабулы, а представляет собой сложный художественный код, через который Тургенев раскрывает как психологическую, так и социальную трагедию крепостного человека. Благодаря символическому потенциалу этого образа, повесть приобретает универсальное звучание – она становится не просто обвинением крепостного строя, но и размышлением о границах человеческой природы в условиях системного подавления [3].

II. Механизмы художественного молчания: Немота как форма социального протеста

Молчание Герасима, на первый взгляд, кажется чисто физиологическим обстоятельством – герой глухонем от рождения. Однако в поэтике Тургенева эта немота приобретает более широкий символический смысл: она становится универсальной метафорой бесправия. Герасим лишён возможности высказываться не только из-за физических ограничений, но и потому, что в социальной иерархии он не обладает голосом как субъект. Его немота – художественная стратегия, демонстрирующая, что в условиях крепостничества даже самый сильный и цельный человек оказывается обречённым на безмолвие.

Символическое значение молчания Герасима многократно усиливается благодаря параллельной структуре повествования, где собака Муму – также «немая» – становится его зеркальным отражением. Таким образом, молчание в повести перестаёт быть индивидуальной чертой и превращается в универсальный язык страдания. Через этот художественный приём Тургенев обнажает один из парадоксов социальной реальности: способность к чувствам не зависит от способности к речи, но в обществе, где правит произвол, именно невозможность высказаться делает страдание невидимым и, следовательно, терпимым для господствующего класса.

Особое внимание заслуживает то, как повествователь – третье лицо, обладающее речью – строит нарратив так, чтобы подчеркнуть изоляцию героя. В тексте отсутствует внутренний

монолог Герасима; его чувства и мысли передаются через внешние наблюдения, описания действий, реакций, жестов. Таким образом, автор сохраняет дистанцию, не позволяя читателю проникнуть внутрь сознания героя напрямую. Это нарочитое ограничение усиливает трагизм ситуации: Герасим остаётся недоступным даже для читателя – как он недоступен для общества.

Такой подход создаёт эффект «вторичного молчания», когда не только герой не говорит, но и текст отказывается «говорить за него» [2]. Тургенев таким образом подрывает традиционную схему сочувственного повествования, в которой автор интерпретирует и объясняет чувства персонажа. В «Муму» же читатель вынужден сам догадываться, сам переживать отсутствие голоса. Это литературная стратегия не навязывания, а вовлечения, где молчание становится формой глубокого, этически заряженного участия.

Следует отметить, что молчание в повести – это не признак пассивности, а особая форма сопротивления. Герасим не спорит, не жалуется, не кричит – он молча уходит, отказывается от службы, тем самым демонстрируя свой нравственный протест. Этот жест – уход в тишину – может быть прочитан как высшая форма отторжения системы, которая не допускает даже минимального личного выбора. Его молчание становится громче любого слова, поскольку оно заключает в себе отказ быть частью механизма насилия.

Таким образом, художественное молчание в «Муму» выполняет двойную функцию: оно, с одной стороны, репрезентирует насилие над личностью, а с другой – открывает возможность сопротивления вне привычного дискурсивного поля. Тургенев показывает, что даже в полной тишине возможна этика – молчаливая, жестовая, но несомненно человеческая. И именно в этой молчаливой этике заключён потенциал гуманистического протеста против дегуманизирующей реальности крепостного строя [7].

III. Реквием по человеку: Тургеневская эстетика трагедии

Кульминационная сцена убийства Муму представляет собой не просто драматическую развязку повествования, но и метафизическую точку невозврата, в которой происходит символическая смерть самого Герасима как человека. Уничтожая существо, с которым его связывает единственная эмоционально насыщенная связь, он отсекает последнюю ниточку, связывающую его с миром чувств, заботы и внутренней человечности. Тургенев не акцентирует внимание на физиологическом насилии –

напротив, сцена решена в духе сдержанного лиризма, что лишь усиливает её трагическое воздействие [8].

Примечательно, что в повести не происходит явного взрыва протеста. Герасим не поднимает бунт, не выражает ни страха, ни гнева – он просто исполняет приказ, а затем уходит. Такое внешнее смирение, однако, не следует трактовать как капитуляцию. Напротив, в тишине его ухода скрыт акт личного сопротивления. Тургенев предлагает особую форму трагического действия, где отказ от насилия и слов – это форма глубоко личного, внутренне мотивированного жеста. Этот жест оказывается не менее мощным, чем открытый бунт, потому что он обращён к внутреннему кодексу, а не к политическому дискурсу.

В этом контексте «Муму» можно рассматривать как своего рода реквием – художественное произведение, оплакивающее утрату не только конкретной жизни, но и самой идеи человечности в рамках крепостного мира. Утрата Муму – это утрата возможности чувствовать, говорить, сопереживать. Тургенев создает эмоциональное пространство скорби, в котором не звучит ни одного слова плача, но которое наполнено несомненным трауром по тому, что могло быть – и не случилось. Эта эстетика тишины и недосказанности представляет собой уникальную форму литературного траура.

В отличие от Достоевского, склонного к экзистенциальной радикализации страдания, или Толстого, ищущего моральное разрешение через действие и катарсис, Тургенев сознательно избегает крайностей. Его трагедия – «мягкая», не героическая, а бытовая, повседневная, почти незаметная, но оттого ещё более неумолимая. Он не предлагает выхода, не сулит просветления – он лишь показывает, как медленно и тихо исчезает человеческое в человеке под гнётом социальной системы. Это трагедия не действия, а исчезновения – и в этом её особая сила.

Эстетика Тургенева, таким образом, формируется вокруг принципа сдержанности и невысказанности. В «Муму» нет высокой трагедийной патетики, нет возвышенных диалогов, нет даже внутреннего монолога – но именно за счёт этого достигается эффект подлинной подрывной глубины [6]. Сдержанность становится формой уважения к страданию, признанием его невыразимости. В этом заключается гуманистический пафос Тургеневской прозы – не в том, чтобы воззвать к действию, а в том, чтобы научить видеть и чувствовать то, что обычно скрыто за фасадом «нормальности».

Именно благодаря этой художественной позиции «Муму» сохраняет свою актуальность и сегодня. Повесть не столько говорит о крепостном праве, сколько о механизмах дехуманизации, присущих любому репрессивному устройству. Тургенев показывает, как человек может утратить не только свободу, но и голос, и даже способность к чувствам – и делает это не криком, а тишиной [9]. Его трагедия – это трагедия невозможности быть услышанным, и потому она продолжает звучать как реквием по человеку во всех эпохах.

IV. Литературная форма как моральное высказывание: пределы и возможности реализма

Повесть «Муму» построена на принципах реалистической поэтики, однако сам Тургенев сознательно трансформирует реализм, превращая его из описательного инструмента в этическую модель повествования. Сдержанная, почти «прозрачная» форма нарратива не перегружена эмоциональными интенциями, но в этом внешнем спокойствии скрыта глубокая моральная напряжённость. Через отказ от прямой авторской оценки, чрезмерной драматизации или патетики, Тургенев заставляет читателя самому совершить нравственное усилие – распознать страдание там, где текст его не называет. Таким образом, форма становится не нейтральным носителем содержания, а способом этической импликации.

Интересно, что Тургенев, обладая возможностью открытого публицистического высказывания, выбирает форму частной, почти интимной истории – рассказа о человеке и его собаке. Именно эта нарочитая миниатюрность обостряет восприятие: трагедия не декларируется, а просачивается сквозь детали – взгляд, жест, молчание [10]. Такая форма скрытой эмоциональности позволяет достичь эффекта «внутреннего свидетельства», где читатель оказывается не просто наблюдателем, а этически вовлечённым участником. В этом Тургенев предвосхищает ту модель литературного участия, которую позднее разовьёт Чехов: художественная форма как нравственный вызов читателю.

Наконец, сама структура текста – линейная, без отклонений и катарсиса – подчеркивает неразрешимость конфликта. Тургенев сознательно отказывается от хэппи-энда, от возможности реабилитации, оставляя героя в полном молчании и одиночестве. Повесть не предлагает решения, не завершает круг – она оставляет зияющую пустоту, которая требует от читателя продолжить размышление. И в этом – высшая этическая задача реалистической формы: не утешить, а пробудить совесть.

V. Наследие «Муму»: тишина как культурная парадигма

Повесть «Муму» вошла в канон русской литературы не только как текст о крепостничестве, но и как архетип молчаливого страдания, повторяющийся в разных формах в культуре поздней имперской и советской эпох. Герасим, не поднявший мятежа, и Муму, не издавшая крика, стали символами не только крепостного прошлого, но и более широких состояний социальной несвободы, где молчание – не выбор, а историческая судьба. В этом смысле Тургеневская повесть формирует особый культурный код: страдание без выговора, протест без речи, память без эпитафии.

Такой код молчания продолжает воспроизводиться в литературе, кино, театре – как форма внутреннего сопротивления в условиях, где внешнее слово девальвировано или опасно. «Муму» тем самым становится не только эстетическим объектом, но и источником этического мышления. В тишине этой повести заключено не смирение, а потенциальное знание о границах человеческого: о том, где заканчивается язык – и начинается совесть.

Выводы

Повесть И. С. Тургенева «Муму» представляет собой не просто частный случай социальной критики крепостного строя, но глубоко выстроенную художественную систему, в которой индивидуальное страдание становится универсальной моделью утраты человеческого достоинства. Образ собаки Муму – как немного свидетеля и жертвы – и немота Герасима – как символ утраченной субъектности – сочетаются в мощную метафору внутреннего разрушения

личности под гнётом несвободы. Тургенев демонстрирует, что молчание не всегда есть отсутствие воли: напротив, оно может быть предельной формой сопротивления – не бунтом, а нравственным несогласием с существующим порядком.

Эстетическая стратегия Тургенева заключается в том, чтобы избежать риторических крайностей, сохраняя трагедию в рамках повседневного, почти «будничного» жеста. Тем самым автор предлагает иную, «несобытийную» модель трагического, в которой протест не реализуется в слове или действии, а разыгрывается в пространстве внутреннего отказа, тишины и жертвы. Повесть превращается в своего рода художественный реквием – не только по безымянным крепостным, но и по самой способности к полноте человеческого существования в условиях системного насилия. Именно в этом сдержанном траурном тоне – сила тургеневской гуманистической поэтики.

Перспективы дальнейшего анализа заключаются в исследовании «поэтики молчания» как устойчивого культурного механизма в русской литературе XIX века [4]. В «Муму» Тургенев, возможно впервые столь последовательно, демонстрирует, как молчание может быть не недостатком, а нарративной и этической категорией – осознанным выбором, формирующим не только героя, но и сам текст. Раскрытие таких скрытых структур позволяет иначе подойти к изучению репрезентации субъекта в условиях несвободы, расширяя понимание о способах художественного выражения «приглушённого протеста» в литературе предреформенной эпохи.

Список источников

1. Белопухова О.В. Жанровые особенности тургеневских произведений и баллада // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 1. С. 111.
2. Беляева И.А. Герой из народа как "неразрешимая загадка": об одном несостоявшемся замысле И. С. Тургенева // Спасский вестник. 2021. № 28. С. 6.
3. Волков И.О. Поэтика образа Гамлета в романном творчестве И.С. Тургенева // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 14.
4. Дедюхина О.В. Сны и видения в повестях и рассказах И.С. Тургенева: проблемы мировоззрения и поэтики : монография: электронное издание. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 2016. 200 с.
5. Золотарев И.Л. "Студийная" фантастика И. С. Тургенева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 172. С. 61.
6. Зорин А.Н. Реплика в драматургии И.С. Тургенева. Особенности характеросложения и прозаизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 1. С. 129.
7. Маньковский А.В. Рецепция жанра романтической "мистерии" в творчестве раннего И.С. Тургенева // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2021. № 4. С. 108.

8. Мокина Н.В. Тургенев и символисты: к проблеме влияния художественного опыта Тургенева-романиста. Статья 1: Сюжет и сверхсюжет в романе Тургенева "Дым" // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2016. Т. 16. № 4. С. 407.

9. Сапченко Л.А. Стихотворения в прозе в русских журналах конца XVIII – начала XIX столетия // Спасский вестник. 2018. № 26-1. С. 290.

10. Черкезова О.В. О ритме тургеневской прозы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 1. № 1. С. 7.

References

1. Belopukhova O.V. Genre Features of Turgenev's Works and Ballads. Bulletin of Kostroma State University. 2017. Vol. 23. No. 1. P. 111.

2. Belyaeva I.A. A Hero from the People as an "Unsolvable Riddle": About One Failed Plan of I.S. Turgenev. Spassky Vestnik. 2021. No. 28. P. 6.

3. Volkov I.O. Poetics of the Image of Hamlet in the Novels of I.S. Turgenev. Bulletin of Tomsk State University. 2019. No. 444. P. 14.

4. Dedyukhina O.V. Dreams and Visions in the Stories and Short Stories of I.S. Turgenev: Problems of Worldview and Poetics: Monograph: Electronic Publication. Yakutsk: North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, 2016. 200 p.

5. Zolotarev I.L. "Studio" fiction by I.S. Turgenev. Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2014. No. 172. P. 61.

6. Zorin A.N. Remarque in the dramaturgy of I.S. Turgenev. Features of characterization and prose writing. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. 2010. No. 1. P. 129.

7. Mankovsky A.V. Reception of the genre of romantic "mystery" in the works of early I.S. Turgenev. Bulletin of Moscow University. Series 9, Philology. 2021. No. 4. P. 108.

8. Mokina N.V. Turgenev and the Symbolists: on the Problem of the Influence of the Artistic Experience of Turgenev the Novelist. Article 1: Plot and Super-Plot in Turgenev's Novel "Smoke". Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism. 2016. Vol. 16. No. 4. P. 407.

9. Sapchenko L.A. Prose Poems in Russian Magazines of the Late 18th – Early 19th Centuries. Spassky Vestnik. 2018. No. 26-1. P. 290.

10. Cherkezova O.V. On the Rhythm of Turgenev's Prose. Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2013. Vol. 1. No. 1. P. 7.

Информация об авторе

У Сыяо, Хэйлуңцзянский университет, Китай, 2461900996@qq.com

© У Сыяо, 2025